

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XIV

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1965

Г. Ф. БЛАГОВА

ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Как известно, тюркология не располагает надежными данными о реальных связях современных говоров узбекского языка с говорами «чагатайского» периода¹, а равно и достоверными сведениями о реальной связи письменного языка с живыми говорами XV и смежных с ним веков². В то же время современная узбекская диалектология достигла того уровня, когда она уже не может обходиться без широкого использования фактов истории языка в целях объяснения как отдельных диалектных явлений, так и становления и развития современных диалектов и говоров Узбекистана³. Вопросы развития диалектов узбекского языка тесно связаны со сложной и пока еще только ставящейся проблемой диалектной основы языка староузбекской («чагатайской») литературы рубежа XV—XVI вв., имеющей важное значение для выяснения вопроса об истоках узбекского литературного языка. Для разрешения этой проблемы потребуются детальное и, так сказать, «послойное» изучение памятников староузбекской литературы с учетом всего многообразия рукописей и списков.

В то же время изучение диалектной основы языка староузбекской литературы рубежа XV—XVI вв. невозможно без привлечения материалов современной узбекской диалектологии.

Предлагаемая статья представляет собой попытку историко-сопоставительного исследования на материале староузбекского письменного языка и современных узбекских диалектов с целью выявления различных диалектных элементов в староузбекском письменном языке рубежа XV—XVI вв.

Не предполагая «начинать... историю изучения узбекских говоров с XV в.»⁴, мы сочли возможным в то же время привлечь в качестве одного из объектов историко-сопоставительного исследования языковой памятник рубежа XV—XVI вв., дающий наилучшие возможности для такого сопоставления. Это «Бабур-наме» — одно из наиболее объемистых прозаических произведений староузбекской литературы этого времени, которое благодаря своему жанру и разнообразию использованных в нем стилистических приемов сконцентрировало в себе богатейший грамматический материал. О близости языка «Бабур-наме», отличающегося, по общему признанию, естественностью, точностью и гибкостью, к живому языку своего времени может свидетельствовать уже тот факт, что современный читатель-узбек воспринимает это произведение, не испытывая особой потребности в языковых комментариях и словарях.

Другим объектом предлагаемого историко-сопоставительного исследования послужили данные современной узбекской диалектологии. При использовании этих данных необходимо иметь в виду те разновременные и частые смешения и смещения в этническом составе населения Среднего Узбекистана, из которых одно (из числа последних) с уверенностью датируется рубежом XV—XVI вв.⁵ В результате процессов «гибридизации», происходивших в различных узбекских коллективах по-разному и с неодинаковой интенсивностью в разные периоды истории⁶, в современном Узбекистане,

¹ См. В. В. Решетов, Состояние и задачи узбекской диалектологии, сб. «Вопросы узбекского языкознания», Ташкент, 1954, стр. 115.

² В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. 1, Ташкент, 1959, стр. 21.

³ О трудностях узбекской исторической диалектологии см.: В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов, Узбек диалектологияси, Ташкент, 1962, стр. 24.

⁴ В. В. Решетов, Состояние и задачи узбекской диалектологии, стр. 115.

⁵ См.: «История Узбекской ССР», I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 373; Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, 1.

⁶ Е. Д. Поливанов, Говор кышлака Кыят-Конграт Шаватского района (в Хорезме), «Сб. научн. трудов [Узб. НИИ культурного строительства]», I, 2, Ташкент, 1934, стр. 4.

по свидетельству И. А. Батманова, «мы не имеем нигде сплошной языковой территории... Сплошь и рядом на одной территории совмещаются языки разных групп, и часто говор отрывается территориально от того типа, по имени которого он классифицируется»⁷. Поскольку «сплошь и рядом население одного небольшого района и даже отдельного кишлака складывалось исторически из представителей различных и диалектальных групп» и «поскольку родственные говоры оказывались в самом различном языковом окружении, появилась масса местных особенностей»⁸.

Если учитывать всю исторически обусловленную сложность и пестроту диалектного состава современного узбекского языка, то представляется нецелесообразным ограничиваться сопоставлением данных истории узбекского языка с фактами только тех говоров, которые «отходят к „юго-восточной, или чагатайской группе“ турецкого языкового мира»⁹, или (в иных терминах, подразумевающих некоторые коррективы в составе указанной группы) одного только «карлуко-чигиле-уйгурского» диалектного комплекса¹⁰.

Напротив, для наших целей представляется необходимым привлечь к сопоставлению факты почти любого из современных узбекских говоров и диалектов, отвлекаясь при этом от тех различий, которые устанавливаются между группами узбекских говоров, различными классификационными схемами. Вместе с тем мы далеки от мысли приписывать языку, отраженному в «Бабур-наме», связи непосредственного родства со всеми теми говорами, в которых сохранились те или иные грамматические формы, наблюдаемые в этом произведении. В то же время подчеркнем, что в своих сопоставлениях мы исходим именно из грамматических явлений, которые, как известно, обладают высокой степенью устойчивости в диахроническом плане, а равно и в синхроническом — при взаимодействии родственных диалектов. Именно благодаря своей устойчивости грамматические явления, взятые на отделенном от современного состояния синхронном срезе, дают большие основания (чем, скажем, факты лексики) соотносить эти явления с определенной территорией современного их распространения.

При сопоставлении оказалось возможным выявить некоторые языковые факты, нашедшие отражение в памятниках староузбекской литературы и в то же время сохранившиеся в современных диалектах при полной или почти полной утрате этих фактов современным узбекским литературным языком, причем внимание фиксировалось на тех из них, которые принадлежат к различным отделам грамматической системы, имея при этом закономерный характер (последнее подразумевает большой лексический охват)¹¹. Выявить такие факты в современных узбекских говорах тем более интересно, что язык староузбекской литературы, как это уже не раз отмечалось, в ключевых явлениях своей грамматической системы близок к «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности», составляющей основу современного узбекского литературного языка.

Совпадение языковых фактов, отмеченных, с одной стороны, исследователями в тех или иных из современных говоров, а с другой, зафиксированных в «Бабур-наме», свидетельствует о сложности взаимоотношений узбекских говоров в процессе их исторического развития, а также о неравномерности эволюции их грамматических систем. Именно эта неравномерность позволяет одним диалектам и говорам сохранять специфические языковые явления, в то время как другие говоры их утратили (в связи с этим интересно отметить тот факт, что и говоры, претерпевшие метисацию в наиболее сильной форме, удерживают, тем не менее, ряд архаических черт, присущих им издревле¹²).

⁷ И. А. Батманов, Вопросы классификации узбекских говоров сб. «Проблемы языка» [Узб. НИИ языка и литературы], Ташкент, 1934, стр. 17.

⁸ А. К. Боровков, Узбекские говоры Наманганской области, «Научн. труды Таш. гос. ун-та», Нов. серия, вып. 211, филол. науки, кн. 24, 1963, стр. 3, 4.

⁹ Е. Д. Поливанов, Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, ИАН СССР, VII серия, Отд. ние гуманитар. наук, 1929, 7, стр. 527, примеч. 3.

¹⁰ См.: В. В. Решетов, Карлуко-чигиле-уйгурская языковая общность узбекского языка, «Уч. зап. [Таш. ГПИИЯ]», VII, 1963; е го же, Узбек тилининг карлуқ-чигил-уйгур лаҳжаси, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» (далее — УТАМ, с 1963 г. — УТА), 1960, 5.

¹¹ О необходимости максимально дифференцировать отдельные диалектные признаки при использовании методики изложено см.: В. М. Жирмунский, Введение сравнительно-историческое изучение германских языков, М. — Л., 1964, стр. 22 и сл.

¹² Яркий пример этому приводит Е. Д. Поливанов в своей книге «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» (Ташкент, 1933, стр. 26—27, примеч. 3, стр. 26). В настоящее время, однако, в ретроспективном плане не всегда представляется возможным провести четкую грань между собственно архаическими языковыми явлениями и специфически диалектными. В ряде случаев остается открытым вопрос: архаическое ли явление, присущее данному говору, поддерживается соседней или инодиалектной стихией, или же это явление представляет собой результат воздействия инодиалектной стихии. О необходимости учитывать также «возможность

Факты современных узбекских диалектов, которые удалось соотнести с соответствующими языковыми явлениями в «Бабур-наме», могут быть картографированы¹³; при этом целесообразно произвести отбор тех признаков, картографирование которых могло бы дать наиболее наглядные результаты. Картографирование позволяет выявить характер распределения признаков на карте, а также интенсивность этого распределения. Из-за «неизученности основной и важной части говоров ташкентско-ферганского типа»¹⁴ карты распространения избранных нами языковых явлений по необходимости имеют пока предварительный характер, тем более что произведенное ниже сопоставление фактов истории и диалектологии узбекского языка не претендует на полноту охвата специфических явлений, характерных для староузбекского письменного языка и уцелевших в тех или иных современных узбекских говорах. Приводимые ниже карты — при условии дальнейшей совместной работы историков языка и диалектологов — могут быть существенно уточнены и дополнены как в смысле выявления еще ряда важных совпадающих черт, так и в плане всестороннего охвата современных диалектных фактов, что позволит в будущем представить на картах изоглоссы обозначенных языковых признаков.

Переходя к сопоставлению языковых фактов «Бабур-наме» и диалектных особенностей современного узбекского языка, остановимся прежде всего на специфических явлениях падежного склонения. Факты синтаксической заменяемости падежей и скращения падежных значений (причем не только внутри той или иной группы падежей) достаточно широко отражены в «Бабур-наме»; с несколько меньшей полнотой сопоставимые явления представлены в современных говорах.

И в «Бабур-наме», и в говорах — по всей территории их распространения¹⁵ — обычен неопределенный падеж для обозначения направления при глаголах движения, а также для выражения времени; кроме того, в «Бабур-наме» этот падеж используется для выражения местонахождения (*бу уйлар ҳам чуқур йе р л а р вақит бўлбутур*¹⁶ «Эти дома тоже расположены в лощинах»; *Самарқанд мўйassar бўлса биримиз С а м а р қ а н д йўтурғай йина биримиз* *Х и с а р д а* 70_{10—11} «Если будет дарован богом Самар-

параллельного развития, ограничивающую круг предполагаемых древних генетических связей и позднейших взаимодействий контактного характера», см.: В. М. Ж и р м у н с к и й, указ. соч., стр. 25.

¹³ Идея картографировать такие соотносимые признаки подсказана чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунским. За указания на необходимость такого картографирования, ценные советы и конкретные замечания по картографированию автор выражает искреннюю признательность В. М. Жирмунскому и благодарит Э. Р. Тенишева, чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононова, чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебrenникова, Х. Даниярова, Э. Н. Наджица, О. А. Лаптеву, М. М. Маковского, которые также ознакомились с работой и высказали ряд ценных замечаний.

¹⁴ Ш. Шаабдурахманов, Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. Автореф. докт. диссерт., Ташкент, 1963, стр. 13. См. также: В. Решетов, Узбек тили диалектларини монографик ўрганиш, ЎТАМ, 1960, 1, стр. 37.

¹⁵ См., например: Ш. Афзалов, Узбек тилининг Паркент шеваси. Канд. диссерт., Ташкент, 1952, стр. 93; А. Шерматов, Узбек тилининг Қарши шеваси. Канд. диссерт., Ташкент, 1960, стр. 117; Х. Данияров, Бахмалский говор узбекского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1955, стр. 8; Х. Фуломов, Узбек тилининг Жиззах шеваси, «Узбек диалектологиясидан материаллар» (далее — УДМ), I, Ташкент, 1957, стр. 84; С. Иброҳимов, Узбек тилининг Бешкент райони шевалари юзасидан кузатишлар, там же, стр. 283; Ш. Носиров, Ём шеваси ҳақида, УДМ, II, Ташкент, 1960, стр. 232; Б. Жўраев, Шахрисабз шевасининг баъзи бир морфологик хусусиятлари, УТАМ, 1959, 1; Б. Джуроев, Шахрисабзский говор узбекского языка, Ташкент, 1964; С. Туляков, Наманган шаҳар шевасида эғалик ва келишик қўшимчалари, в сб. «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари» (далее — АТМ), 4, Ташкент, 1962, стр. 502 (приводимые в последней работе примеры свидетельствуют, однако, о появлении заместительной долготы в случае опущения показателя дательного-направительного падежа у основ, оканчивающихся на -а, -о); St. Wurm, Der özbekische Dialekt von Andidschan, Brunn — München — Wien, 1945 («Sitzungsberichte [der Akademie der Wissenschaften in Wien]», Philosoph.-hist. Kl., 224, 3. Abhandl.), стр. 38. Ссылки на эти работы и приводимые ниже монографические описания других узбекских говоров после первого их упоминания будут заменяться в тексте статьи указанием на соответствующий говор.

¹⁶ «Бабур-наме» или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857, стр. 441, строки 12—13. Впредь это издание обозначается сокращенно БН, цитируемая страница указывается настрочной цифрой, строка — подстрочной. При передаче примеров из БН в целях большей наглядности сходжений и расхождений его языка с современными узбекскими говорами применяется транслитерирование (с элементами транскрибирования) на основе современной узбек-

канд, один из нас восседает в Самарканде, еще один из нас — в Хисаре». В последнем примере функциональный параллелизм неопределенного и местного падежей рельефно подчеркивается благодаря опущению глагола *ўлтур-* в конце фразы).

Использование винительного в функции родительного, часто встречающееся в БН, свойственно почти всем говорам узбекского языка¹⁷ (за исключением говоров кыпчакского диалекта). В БН представлено и обратное явление — употребление родительного падежа в функции винительного для обозначения прямого объекта: *Хожа Ахрар мениң сизга йибардилар* (144₁₀₋₁₁) «Ходжа Ахрар послали меня к Вам»; *Хожа қазиниң араға салиб* (22₉) «Сделав Ходжу казия посредником». Это явление, по свидетельству Я. Г. Гулямова, исключительно редкое для современных говоров (однако встречающееся и в современном литературном языке), в то же время отмечается исследователями именно в андижанском говоре, а также в ташкентском и бухарском диалекте¹⁸.

Заслуживает внимания тот любопытный факт, что использование родительного в функции винительного характерно для Керовского списка БН; в Хайдарабадской рукописи в соответствующих случаях часто бывает представлен винительный падеж¹⁹. Казалось бы, из этого вытекает вывод о диалектной принадлежности переписчика рукописи, коренной для списка Г. Я. Кера²⁰, и, следовательно, о большей близости Хайдарабадской рукописи к оригиналу БН. Однако такому заключению препятствуют факты как самого староузбекского языка, так и современных диалектов. Прежде всего можно сослаться на аналогичное употребление родительного в языке старшего современника Бабур — Алишера Навои²¹ и, кроме того, на другие факты самостоятельного (т. е. вне определительного словосочетания) и тем самым необычного для современного языка функционирования этого падежа: родительный встречается в БН в качестве именной части составного сказуемого (*чағар даң ми рааниң бўлгай дў даң аниң* 213₃ «четыре части пусть будут [принадлежать] мирзе, две части — ему»; *бу бейт аниң ду р* 206₂₁, 207₂₀ «это двустипшие — его»).

С другой стороны, сохранившееся в современном андижанском говоре употребление родительного падежа в функции винительного также свидетельствует о том, что это явление не было привнесено переписчиком и может предположительно рассматриваться как принадлежащее средневековому говору, к которому был близок язык литературы рубежа XV—XVI вв. В связи с этим следует обратить внимание и на тот примечательный факт, что Захир-эд-дин Мухаммед Бабур ссылался именно на средневековый говор Андижана как на близкий к языку литературы своего времени (БНЗ₇₋₈).

ской графики. Диалектный материал приводится здесь в тех подчас сугубо индивидуальных транскрипциях, которые варьируются от одного исследования по узбекской диалектологии к другому.

¹⁷ См., например: В. В. Решетов, Об одном узбекском падеже, «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951; А. Маматов, Келишик қўшимчаларининг Андижон шевасида қўлланиши, «Уч. зап. [Таш. ГПИИЯ]», VII; Я. Г. Гулямов, Морфология ташкентского говора. Канд. диссерт., М., 1954, стр. 28; И. Фармонов, Ўзбек тилининг Ўш шеваси, Канд. диссерт., Ташкент, 1960, стр. 113; С. Иброхимов, указ. соч., стр. 232; О. Шарипов, Ўзбек тилининг Поп шеваси. Канд. диссерт., Ташкент, 1962, стр. 112; А. Шерматов, указ. соч., стр. 110 и сл.; Б. Джуроев, Шахриябзский говор узбекского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1959, стр. 15; Ш. Нозиров, Қўкон шевасида келишик категорияси, ЎТА, 1963, 2, стр. 41.

¹⁸ См.: М. Мирзоев, Бухоро диалектининг морфологик хусусиятларида доир, ЎТА, 1964, 2, стр. 40; St. W u r m, указ. соч., стр. 39—40, 84, 85, 104, 112, 125. С. Ибрагимов в своей рецензии на работу Ст. Вурма «Der özbekische Dialekt von Andidschan» (ЎТА, 1964, 1, стр. 68) отрицает возможность употребления родительного в функции винительного, не приводя фактов в подтверждение своим словам и исходя, как нам кажется, из имеющего распространение взгляда на это явление как на «грубую ошибку» (А. Матьруфов, Ўзбек адабий тилидаги икки келишик формаси ҳақида, ЎТАМ, 1958, 1, стр. 46). Ср. также: Е. Д. Поливанов, Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, стр. 519, где «случай неправильного употребления *nih* в значении *accusativ*» в ташкентском говоре считаются возникшими в последнее время — «под влиянием школы литературного языка».

¹⁹ См.: Г. Ф. Благова, К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по Керовскому списку, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», XLIV, М., 1961, стр. 96.

²⁰ Видимо, именно диалектной принадлежностью переписчика можно объяснить изредка встречающееся в БН употребление *қашти* (72₁₀, 86₂₂) вместо *қачти*.

²¹ См.: К. Қаримов, «Фарход ва Ширин» достонига келишикларнинг қўлланиши, сб. «Тилшунослик масалалари», I, Ташкент, 1960, стр. 128.

Характер глагольного управления, заметно отличного от нынешнего состояния этого синтаксического явления, обуславливал, в частности, в БН употребление винительного падежа адресата действия при глаголе *тилла- «желать, просить; призывать»* (Ш а й б а н и х а н н и к у м а к т и л л а б т у р 54₂₂ «призывал на помощь Шейбани-хана»), который в современном узбекском языке управляет исходным падежом. Такое употребление можно сопоставить с использованием винительного падежа в функции исходного (равно как и в функциях местного и дательно-направительного), отмеченным в андижанском говоре А. Маматовым. Обратное явление — использование исходного падежа в функции винительного — зарегистрировано в паркентском и каршинском ²², территориально очень удаленных друг от друга; употребление дательно-направительного в функции винительного встречается, с одной стороны, в андижанском и кокандском (т. е. на востоке основной территории узбекского языка), иногда также в джизакском, входящем в ташкентскую диалектную группу, а с другой стороны — в хазараспском ²³, т. е. на крайнем западе рассматриваемой территории.

Синтаксическая взаимозаменяемость дательно-направительного и местного падежей в языке БН имеет ограниченное действие: местный падеж в функции дательно-направительного здесь не отмечен; дательно-направительный же довольно часто используется для обозначения местонахождения, например, при глаголе *йаса- «сделать, устроить»*, а также в составе именного сказуемого (*хамма Ала қўрганни и ч и г а еди* 261, «все были внутри Ала-кургона»; ср. самарк.-бухарск., пайшанбинск. *ман уйга едм*). Обратимся к современным говорам. Синтаксическая взаимозаменяемость дательно-направительного и местного падежей, в общем не свойственная ташкентской и ферганской группе говоров, в восточной и средней части Узбекистана не составляет сколько-нибудь компактного ареала, хотя и отмечена в андижанском (А. Маматов полагает, что взаимозаменяемость этих падежей здесь — результат многозначности управляющего глагола: *Чорсида/Чорсига тушаман*), уйчинском, ниязбашинском ²⁴, изредка — в джизакском, на севере наблюдается в говоре г. Туркестана. Взаимозаменяемость этих падежей широко представлена на западе и юго-западе территории узбекского языка — в говорах самаркандско-бухарской подгруппы (наличие *dativus-locativus* на -га ... Е. Д. Поливанов считал одной из основных особенностей этих говоров), в каттакурганском (городском), пайшанбинском (в двух последних говорах допустима замена местного падежа дательно-направительным, но не наоборот), в говорах долины Кашкадарьи и Сурхандарьинской области, в говорах Бешкентского района, в шахриябзском ²⁵ и каршинском (в последнем дательно-направительный, выступая в функции местного, практически вытеснил его).

Причинное значение дательно-направительного падежа, которое Э. В. Севортян считает архаическим ²⁶, для БН является обычным (*жунлар ғайат қисқа лиққа илгаричи киши йаруқ чарта тавал алдига келдилар* 245₂₀ «Так как дни были очень коротки, передовые пришли к ущелью засветло»). Использование дательно-направительного падежа в этом же значении наблюдается в андижанском говоре. С этим употреблением сопоставимо функционирование дательно-направительного вместо исходного

²² См.: А. Ш е р м а т о в, Карши шевасининг баъзи морфологик хусусиятлари, ЎДМ, II, стр. 184.

²³ См.: Ю. Д ж у м а н а з а р о в, Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1961, стр. 9; В. Р е ш е т о в, Ш. Ш о а б д у р а х м о н о в, указ. соч., стр. 210. Ср. взаимозаменяемость винительного и дательно-направительного падежей, наблюдаемую в произведении Навои (К. Қ а р и м о в, указ. соч., стр. 129, 130).

²⁴ См.: А. Ю. А л и е в, Ўзбек тилининг Уйчи шеваси. Канд. диссерт., Ташкент, 1959, стр. 90; Н. С. Г а ф у р о в а, Ниязбашинский говор узбекского языка. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1962, стр. 14; е е ж е, Ўзбек тилининг Ниязбашин шеваси, ЎДМ, II.

²⁵ См.: Е. Д. П о л и в а н о в, Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, стр. 521 (№ 18) и 531; е г о ж е, Образцы несингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка, I, «Докл. АН СССР», [Серия] В, 5, 1928, стр. 93; М. М и р з о е в, Ўзбек тили Бухоро шевасининг хусусиятларига доир, ЎТАМ, 1959, 1, стр. 36; Я. Г. Г у л я м о в, указ. соч., стр. 52; Н. Р а ж а б о в, Каттакургон шевасининг баъзи бир морфологик хусусиятлари, «Самарканд давлат университетининг асарлари», Янги серия. 129 — Ўзбек тилшунослик масалалари, 1963, стр. 166; е г о ж е, Пайшанба шевасининг баъзи бир хусусиятлари, ЎТАМ, 1960, 4, стр. 44; Б. Д ж у р а е в, Некоторые фонетические особенности шахриябзского говора, «Узбек давлат университетининг асарлари», Янги серия, 91, 1959, стр. 148.

²⁶ См.: Э. В. С е в о р т я н, Категория падежа, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, М., 1956; е г о ж е, К истории падежной системы в тюркских языках, «Уч. зап. ВШЯ», 6, 1948.

падежа в говоре Вуадилы, в паркентском, хазараспском, найманском говоре Катта-Кургана²⁷ (и, наоборот, исходного в значении дательного-направительного в хазараспском и андижанском): приведенная особенность, таким образом, оказалась представленной, с одной стороны, на востоке, а с другой — на западе и на крайнем западе территории узбекского языка.

Форма показателя исходного падежа с гласным верхнего подъема *-дин/-тин*, единственно возможная в БН, уцелела в карабулакском, манкентском, иканском и туркестанском говорах²⁸, спорадически она употребляется в андижанском, наманганском²⁹, опском, папском, бустанликском (на картах — г. Газалкент) и ниязбашином говорах, в кураминских говорах Ташкентской области³⁰. На карте 1 показано, что на основе этого признака север, восток и центр территорий узбекского языка объединяются в один довольно компактный (хотя и «прерывистый») ареал; в качестве обособленного островка этого ареала на крайнем западе можно рассматривать кишлаки Оккум и Шанги Гурлукского района Хорезмской области, где так же спорадически употребляется форма на *-дин*³¹. Чертой, на основе которой можно сопоставлять язык БН и андижанский говор, является употребление глухих вариантов «местного и исходного падежей *-та* и *-тан* [для БН *-тин*. — Г. Б.] не только после глухих, как это мы видим в большинстве узбекских говоров, но и после как гласных, так и звонких согласных»³². Например: *ушбу жанибтин* (2₉) «вот с этой стороны», *Хўженттин* (73₁₇), *Самарқандтин* (65₁₂, 85₁₁) (ср. также *Самарқандта* 84₂₃, 85₆; *Хўжентда* 69₂₃, 74₂₁, *Самарқандқа* 73₁₇, *манқа* 127₂₂, 128₂₁, 141₂ «мне», *санқа* 132₂₀ «тебе», *анқа* 124₂₁, 135₅, 139₁₆ «ему»).

В БН (как и в некоторых современных говорах, расположенных преимущественно на западе территории узбекского языка, например в хазараспском, в найманском говоре Катта-Кургана) отражена синтаксическая заменимость исходного падежа местным (*Ҳинд фатҳида сўн*³³ «после покорения Индии»); в наманганском городском говоре имеет место падение конечного *-н* в показателе *-дэн*, восполняемое заместительной долготой.

Из особенностей прилагательных отметим аффикс, образующий относительные прилагательные: в БН это *-лик/-лиғ/-лиқ*. Именно в таком виде (т. е. *-лък* с его фонетическими вариантами; В. В. Решетов считает эту форму принадлежностью йекающих говоров) этот аффикс, сохранившийся в андижанском, опском, ферганском, кокандском³⁴, в говорах Наманганской области (А. К. Боровков), в говоре Вуадилы (здесь — в виде *-лэй*)³⁵, образует тем самым довольно компактный ареал на востоке территории «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности» так же, как и на севере этой территории, где этот аффикс зафиксирован К. К. Юдахиным в карабулакском, манкентском, иканском говорах; Е. Д. Поливановым — в говоре г. Туркестана. К этому ареалу тяготеют *-лиғ*, встречающиеся иногда в паркентском, и *-лий* ташкентского говора. На западе указанной территории этот признак (*-лък* и варианты) представлен в шахрисабзском и каттакурганском городском говоре. Использование аффикса относительных

²⁷ См.: Х. Ҷоқов, Водел шеваси морфологиясида, АТМ, 3, стр. 386; М. Валиев, Узбек тилининг Найман шеваси (Каттакўрғон найманлари материаллари буйича). Канд. диссерт., Самарқанд, 1963, стр. 143.

²⁸ См.: Е. Д. Поливанов, Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, стр. 519, 521; К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, ЎДМ, I, стр. 35; е го же, Карабулоқ ва Манкент шеваларида текст намуналари, «Уч. зап. [Таш. ГПИИЯ]», VII; е го же, Уйгурско-узбекские языковые связи, «Изд. АН КазССР», Серия уйгуро-дунганской культуры, 1, 1950, стр. 28; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов, указ. соч., стр. 213.

²⁹ См.: St. Wirth, указ. соч., стр. 41; В. В. Решетов, О наманганском говоре узбекского языка, сб. «Акад. В. А. Гордлевскому к его 75-летию», М., 1953, стр. 228; С. Туляков, указ. соч., стр. 503.

³⁰ См.: Е. Ф. Фуломов, К. Н. Назаров, Бўстонлик район ўзбек шевалари ҳақида, «Научн. труды [Таш. гос. ун-та]», Нов. серия, 260, филол. науки, кн. 25, 1964, стр. 177, 178; В. В. Решетов, Кураминские говоры Ташкентской области. Автореф. докт. диссерт., Ташкент, 1952, стр. 41.

³¹ См.: Ф. А. Абдуллаев, Узбек тилининг Хоразм шевалари, Тошкент, 1961, стр. 240.

³² А. Маматов, указ. соч., стр. 151. См. также: Ш. Носиров, Қўқон шеваси фонетикаси, ЎТА, 1964, 1, стр. 61.

³³ «The Bābar-nāma», ed. by A. Beveridge, Leyden — London, 1905, л. 826а, строки 4—5.

³⁴ См.: Ш. Шоабдурахмонов, Таянч шаҳар шеваларининг фонетик системаси, «Уч. зап. [Таш. ГПИИЯ]», VII, стр. 73—77.

³⁵ См.: Х. Ҷоқов, Водел шевасининг баъзи лексик хусусиятлари, там же, стр. 126.

прилагательных в целях так называемого «синтаксического словообразования»³⁶ отмечается в БН (например: *бу а т а л и қ ўғу л л у қ Танбалға арқаланиб мундақ харакатлар бунйад қилдилар* 92₈ «эти отец с сыном творили такие поступки, имея за спиной Тенбеля»). Сохранившись как языковой факт в некоторых современных говорах, «синтаксическое словообразование» претерпело здесь, однако, изменения в своей семантике: присоединяясь к парным словам, этот аффикс передает лишь признак обладания обоими предметами, которые выражаются парными словами (так в ташкентском, каттакурганском городском, папском, в хорезмских говорах).

Притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные на *-ниқки*, интересные тем, что они отличаются полной прозрачностью своего образования, отмечаются в БН (*бизниқки* 101₂₀); по настоящее время сохранились они в северной части территории «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности» — в карабулакском и иканском говорах, где к тому же представлено специфическое — атрибутивное — употребление притяжательного прилагательного³⁷ (такое употребление не зафиксировано в памятниках староузбекского языка); в восточной части этой территории — в андижанском — формы *мениқки*, *сениқки* встречаются очень редко; на крайнем западе — в говоре Хазараспа — Янгиарык употребляется форма на *-иқки*³⁸, поддерживаемая соседством с туркменским языком, в котором она имеется; аналогичная форма свойственна также уйгурскому языку. Встречающееся в языке Бабура (особенно в языке его поэзии) относительное прилагательное *бурнағи*, производное от наречия *бурна*, которое в функции послелого широко употребительно в БН (см., например, 281₂₀, 282₃, 324₉, 438₉ и др.), при картографировании его в современных говорах (за неполнотой сведений о *бурнағи* при этом использовалось и *бурна*) обнаруживает любопытный разброс по территории узбекского и соседящих близкородственных языков (см. карту 1).

Обращение к диалектным материалам позволяет дать вероятное толкование пока не объясненному явлению, типичному для языка БН: прилагательное *йахши*, употребляясь в функции определения к глаголам действия, получает здесь аффикс множественного числа *-лар*³⁹, который имеет «подчеркивающее или усиливающее значение»⁴⁰. Например: *алар ҳам аз қиши била йахши тўйтаб қун уландин й а х ш и л а р атқуладилар* (114₉₋₁₀) «Они тоже с небольшим числом людей удачно расположились и очень хорошо постреляли (во врагов) с солнечной стороны»; *анда Фаридун Хусайн мирза хейли й а х ш и л а р барибтур* (208₃₋₄) «Феридун Хусейн мирза там [в битве при Рабат-и Дузд] держался чрезвычайно хорошо». Трудно согласиться с отнесением *йахшилар* к той «особой группе наречий», к образованию которой приводит «семантическое обособление аффикса *-лар* ~ *-lär*»⁴¹; этому толкованию препятствуют хотя бы уже случаи, когда аффикс *-лар*, сохраняя свое подчеркивающее или усиливающее значение, присоединяется к именному компоненту устойчивого (или полустойчивого) глагольного сочетания, имеющего при себе определение *йахши*: *Зу-н-нун Арғун баяужуд-и хаст ва бахиллик й а х ш и х и в м а т л а р қилди* (53₈₋₉) «Несмотря на свою скупость и скверность Зу-н-Нун очень хорошо услужил [мирзе]».

Необычное использование *-лар* в глагольном определении *йахши* можно сопоставить с употреблением частицы *-ла* в андижанском и опском, отчасти в ташкентском говорах, а также в узбекских кишлачных подговорах районов Оша, Карасу, Куршаба, Аравана, Джала-Абада, Сузак, в подговорах кишлака Хакка Мархаматского района и населенных пунктов Ходжаабд, Булакбаши, Кургантена, Пастки, Карасу, Аим, Манак, где эта частица может присоединяться к прилагательному (например, *й а х ш и й л а узун қиса қарағ бу йил*), числительному, местоимению, наречию, послелого,

³⁶ Термин Н. К. Дмитриева.

³⁷ См.: К. К. Ю да х и н, Некоторые особенности карабулакского говора, стр. 47, 50, а также: е г о ж е, Қорабулоқ ва Манкент шевадаридан текст намуналари, стр. 21. Атрибутивное употребление этой формы отмечено также в диалектах татарского языка, см.: Д. Г. Т у м а ш е в а, Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам, «Вопросы диалектологии тюркских языков», Казань, 1960, стр. 49; Н. Б. Б у р г а н о в а, Особенности говора татар нагорной стогонь ТАССР, «Материалы по диалектологии», Казань, 1955, стр. 58—59.

³⁸ См.: Ф. А б д у л л а е в, Келишик аффиксларининг генезисига доир (II), ЎТАМ, 1962, 2, стр. 68.

³⁹ Так, К. Броккельман фактически трактует *йахшилар* как субстантивированное прилагательное, переводя *yaḫšilar islādi* Ilm. 300₁₂ (H 234₄ *bardi*) как «er hatte G u t e s getan» (см. его «Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens», Lf. 1—7, Leiden, 1951—1954, стр. 281).

⁴⁰ Ср.: Т. К о w a l s k i, Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar, -lär* in den Türk Sprachen, Kraków, 1936, стр. 16.

⁴¹ А. М. Щ е р б а к, Грамматика староузбекского литературного языка, М. — Л., 1962, стр. 119.

глаголу⁴². Примечательно, что частица *-ла*, таким образом, имеет весьма характерный своей локализованностью (как это можно видеть на карте 1) и чрезвычайно плотный ареал, охватывающий именно крайний восток территории узбекского языка — говоры андижанско-шерхонского и ошского диалектов; обособленным островком этого ареала на крайнем западе является пос. Манак в Хорезмской области. Частица *-ла*, свойственная уйгурскому языку, встречалась уже в письменных памятниках XI в.⁴³ Вполне допустимо, что при переписке БН стараниями инодиалектного переписчика на месте незнакомого частицы *-ла* (по свидетельству А. Маматова, в других — кроме перечисленных — узбекских говорах указанная частица не употребляется) появился аффикс *-лар*⁴⁴. При таком объяснении легко понять, кстати, и приведенный выше случай перемещения частицы *-ла* [р] от глагольного определения к именному компоненту составного глагола.

Сопоставления в области числительных показывают прежде всего, что написания некоторых количественных числительных без удвоения корневого согласного (типа *ичи*) в БН поддерживаются диалектным произношением, причем такое произношение отмечается в самых разных районах территории узбекского языка (см., например, карабулакский, паркентский и найманский говор Катта-Кургана). Зафиксированные в БН количественные числительные высших разрядов *бир туман* «10 000», *лек* «100 000» еще сохраняются, например, в папском и найманском говорах (старшее поколение), см. *лэк* в шахрисабзском. Один из способов передачи приблизительного подсчета — присоединение аффикса *-ча* непосредственно к количественному числительному⁴⁵, широко распространенный в БН (*улча* 430₂, *йигирмача* 188, *йтуз-қирқча* 103, *йуз-йуз алиқча* 277₂), наряду с более поздними способами наблюдается и в отдельных современных говорах, в частности в папском и ташкентском. Другой способ передачи приблизительного подсчета, широко представленный в БН, — путем сочетания количественного числительного со словом *чағлиқ/чағлиқ* (*йуз чағлиқ* 136, *миң чағлиқ* 437₂₂) — также известен ряду говоров. Нанесенный на карту 1 этот признак не имеет четко локализованного ареала, будучи представлен в центре рассматриваемой территории ташкентским говором (*йуз чағлиқ/чағлиқ*) и к востоку от него — папским (*ончоғлиқ*), на западе — джужским (*вон чағли*)⁴⁶ и найманским говором Катта-Кургана (*жййирмэ чағли*), на крайнем западе Узбекистана — хорезмским (*йййирмэ чағли*; ср. *ончалли* в ургенчском) и на северо-западной его окраине — кыркским (*минг чағли*)⁴⁷; в «Узбекско-русском словаре» (М., 1959, стр. 156) с пометой «областное» дается также *йигирма беш ж о в л и қ* «примерно 25»; интересно отметить, что в охватывающей территорию узбекского языка с востока киргизской языковой стихии употребительно *он чағли*, а на севере, в казахском — *он шағлы*.

Указательные местоимения в форме, присущей староузбекскому языку: *бул, ул, шул*, при нанесении их на карту 1 также составляют более компактный ареал на территориях, расположенных к западу от центральных областей, употребляясь в джизакском, галляларском, пайарыкском, бахмалском (Каракишлакский район Самаркандской области, где отмечена возможность параллельного использования *о/ол, шо/шол*), в самаркандском⁴⁸, в найманском говоре Катта-Кургана (здесь используются на равных правах *бы/был, шы/шыл, ы/ыл*), карнабском и в джекающем говоре Ширабадского района (в последнем сосуществуют параллельные формы *бо/бол/бул, шо/шол/шул, во/*

⁴² См.: А. М а м а т о в, *-ла* ва унинг Андижон шевасидаги хусусиятлари ҳақида, «Сборник научных трудов аспирантов САГУ», IV, Ташкент, 1958; И. Ф а р м о н о в, Ўш шевасида *-ла* юкламаси, ЎТАМ, 1958, 2; е г о ж е, Ўш шевасининг баъзи бир морфологик хусусиятлари, ЎТАМ, 1960, 3, стр. 45.

⁴³ См.: С. М у т а л и б о в, XI аср ёзма едгорликларида феъл категорияси, Тошкент, 1955, стр. 32—33.

⁴⁴ Иной же переписчик или издатель текста вовсе опускал непонятное ему *-ла* (~ *-лар?*) в этой необычной функции; так случилось, например, в фрагменте БН, изданном И. Н. Березиным (см. его кн. «Турецкая хрестоматия», Казань, 1857, стр. 85 и 98; ср. соответственно БН 4, 13).

⁴⁵ Этот способ представлен также в языке памятников древнетюркской письменности (см., например: С. Е. М а л о в, Памятники древнетюркской письменности, М. — Л., 1951, стр. 63 и др.).

⁴⁶ См. А. А х м е д о в, Джужский говор узбекского языка. Автореф. канд. диссерт., Ашхабад, 1962; е г о ж е, Жўш шевасининг баъзи бир морфологик ва лексик хусусиятлари, «Самарқанд давлат университетининг асарлари», Янги. серия, 129, стр. 173.

⁴⁷ См.: Т. З. М и р с о а т о в, Ўзбек тилининг қирқ шеваси, ЎДМ, I, стр. 240; Ш. Ш о а б д у р а х м о н о в, Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари, Тошкент, 1962, стр. 187; Ф. А. А б д у л л а е в, указ. соч., стр. 159.

⁴⁸ См.: Е. Д. П о л и в а н о в, Образец языка самаркандских узбеков, сб. «Проблемы языка», Ташкент — Самарканд, 1935.

/сол/о); на крайнем северо-западе — в кыркском, где наблюдаются *шол/шул/бул, ол/ул*⁴⁹; допустимо предположить, что в перечисленных говорах этот архаический для современного узбекского языка признак сохранился благодаря влиянию соседних казахского и каракалпакского языков (*ол, бул, сол*). Лишь в отдельных пунктах этот признак отмечается на севере (карабулакский), в центре [подговор квартала Кызыл-Куёш в г. Ташкенте — *бу(л), у(л)*⁵⁰, ниязбабинский] и на востоке — в ошском (*шул*), кокандском (*у/ул, бь/бул, шу/шул*)⁵¹, андижанском — в словосочетании *ул-булла рини ади олди:ами?*; в наманганском, где староузбекская форма восстанавливается при плеонастическом присоединении к указательным местоимениям аффиксов 3-го лица ед. числа — *бул-и-си, ул-и-си*; с этим можно сопоставить хазараспские «стяженные» формы *бьлам (бул хам), хулам (ул хам), шулам (шул хам)*, употребляющиеся субстантивно, а также форму *хо:л/о:л* при указании на отдельный предмет⁵²; ср. в туркменском *ол/о, шол/шо, хол/хо*.

Личные местоимения 1-го и 2-го лиц ед. числа с узкой огласовкой, наблюдаемые в языке БН (в косвенных формах здесь иногда бывает представлена и широкая огласовка) и свойственные, по свидетельству В. В. Решетова, современным джекающим говорам, при картографировании образуют плотный ареал в восточных районах Узбекистана: они встречаются в андижанском, в кыпчакском говоре Янгикурганского района Андижанской области⁵³, в каракалпакском говоре узбекского языка, ферганском и ошском говорах, а также в папском (в последнем параллельно употребляются *мен/ман, сен/сан*). По мере продвижения к западу локализация этого признака становится гораздо менее плотной: в центре Узбекистана *мен, сен* зафиксированы в кураминских говорах Ташкентской области, на западе — в найманском говоре Катта-Кургана и на крайнем западе — в мангытском⁵⁴.

Предикативные показатели 1-го и 2-го лиц ед. числа в узбекских говорах чаще всего выступают с широкими гласными *-а, -э*. Учитывая это наряду с положением Е. Д. Поливанова и К. К. Юдахина: «звуки *о, ö и е* могут стоять только в первом слове, что является существенным признаком узбекского языка»⁵⁵, все же трудно допустить чтение *-ман, -сан* для предикативных показателей 1-го и 2-го лиц ед. числа в БН⁵⁶, где эти показатели так же, как и соответствующие личные местоимения, пишутся через «йай»⁵⁷. Широко представленный в БН показатель 1-го лица мн. числа *-биз* наблюдается в ряде современных говоров, чаще всего, однако, распространяясь не на все парадигмы спряжения, но затрагивая лишь спряжение тех или иных временных форм. Распределение на карте этого признака, разместившегося в виде разрозненных островков на востоке (кыпчакский говор Янгикургана, кокандский и папский) и в центре (ташкентский, ниязбабинский), на западе дает несколько более компактную картину — найманский говор Катта-Кургана, карнабский, каршинский (*-ниэ*), говоры Бешкентского района, говоры района Кассана Сурхандарьинской области (группа пулатинских говоров)⁵⁸; на крайнем северо-западе несколько особняком стоит кыркский. Такое территориальное распределение этого признака позволяет сопоставлять формант *-биз/-ниэ* с показателем *-ныэ*, используемым в составе лишь некоторых временных форм казахского языка. Указанное частичное распределение признака (уместно отметить к тому же факультативное употребление *-бэз/-эбэз* в качестве показателя принадлежности 1-го лица мн. числа в карнабском, ташкентском говорах и в бухар-

⁴⁹ См.: Т. З. Мирсоатов, Кырк шевасидан намуналар, «Уч. зап. [Таш. ГПИИЯ]», VII, стр. 88, 89, 92 и сл.

⁵⁰ См.: S. t. W u r m, The Uzbek dialect of Qizil Qujaš, «Bull. of the School of Oriental and African studies», XII, pt. 1, 1947, стр. 93.

⁵¹ См.: К. К. Юдахин, Тексты, УДМ, II, стр. 43; Ш. Носиров, Қўқон шевасининг баъзи морфологик хусусиятлари, УТА, 1964, 3, стр. 60 (картографировать этот признак в кокандском не удалось, так как клише карт было изготовлено раньше выхода в свет УТА, 3).

⁵² См.: А. Маматов, Эгалик категорияси ва унинг ифодаланиши (Андижон шеваси материаллари асосида), «Сборник научных трудов аспирантов САГУ», IV, стр. 232; Ф. А. Абдуллаев, Келишик аффиксларининг генезисига доир (III), УТАМ, 1962, 4, стр. 56; Ю. Жуманазаров, Хазорасп шевасидаги кўрсатиш олошларининг баъзи хусусиятлари, УТАМ, 1961, 3.

⁵³ См.: Ф. А. Абдуллаев, Узбек тилининг кичик шеваси, УДМ, I.

⁵⁴ См.: А. Ишаев, Мангит шеваси фонетикасидан материаллар, АТМ, 5, 1963, стр. 556.

⁵⁵ К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, стр. 32.

⁵⁶ Как это предлагает А. М. Щербак (указ. соч., стр. 169).

⁵⁷ Ср. диалектные формы *кәләмин, кәйәймин* (В. Эгамов, Галля-аральский говор Самаркандской области. Автореф. канд. диссерт., Самарканд, 1954, стр. 18), а также казахск. *-мын, -сын*.

⁵⁸ А. Шерматов, Узбек тилининг Косон район шевалари, «Уч. зап. [Таш. мед. ин-та им. Низами]», 42, 1, 1963, стр. 452.

ском диалекте⁵⁹) в современных говорах не дает тем не менее оснований для объяснения случаев функционирования предикативного показателя 1-го лица мн. числа *-би* действием прогрессивной ассимиляции, т. е. *еббъа* < *ебмиа*, как их истолковывают в своих диссертациях Н. Раджабов и М. Валиев. Иллюстрируя переход *бм* > *бб* все тем же вышеприведенным единственными случаями и вовсе не упоминая о случае *пм* > *пп*, Н. Раджабов, например, оставляет без объяснения приводимые им же случаи использования показателя *-бъа* в формах *къльйбъаде*, *болйрбъа*, *кълайкйбъа* и т. д. Естественнее предположить, что дело здесь не в прогрессивной ассимиляции, а в неравномерном развитии самой грамматической системы говора, причем сохранению этого признака могло способствовать соседство казахского языка.

Как известно, широко распространенная в староузбекском (и соответственно богато представленная в материалах БН) группа морфологически родственных форм, производных от глагольного имени на *-гу*, оставила в современном узбекском литературном языке след в виде разрозненных форм, принадлежащих разным разрядам имен. В некоторых из современных узбекских говоров от этой группы уцелело большее количество форм, чем в литературном языке. Как можно видеть на карте 2, распространение форм этой группы не составляет, однако, сколько-нибудь компактного ареала: с одной стороны, это крайний запад территории узбекского языка — хазараспский говор южнохорезмского диалекта, где имя действия на *-гу* удерживает за собой более широкую сферу употребления, как это отмечено и в уйчинском говоре — т. е. на востоке указанной территории. В хазараспском, кроме того, форма на *-гъль/-гъль*, *-кълькъ* сохранилась в атрибутивной функции⁶⁰; в языке БН форма на *-гулук* могла к тому же выполнять и субстантивную и предикативную функции. Предикативное употребление формы на *-гуль* представлено на западе распространения узбекских говоров — в карнабском (*баргульмъаде*, *бъгульмъаде*); там же употребляются формы типа *манъ бъл-гу-гъм* (=литерат. *менинг билганим*), которые Н. Раджабов трактует как «глагол прошедшего очевидного времени»⁶¹. В хорезмских говорах употребительны формы на *-гъдйин*, *-гъсьа* и *-гъчь*. В западной же части рассматриваемой территории — в бахмайском, в говорах Галляларского района, в джушском, каршинском, джэкающих говорах долины Каншадарьи и джэкающих говорах Ширабадского района отмечена малоизученная еще форма типа *баргъчидим* (ср. *баргъчиди* в шахрисябзском)⁶², возникшая, по-видимому, из старой формы *-гучи еди*.

Сохранение некоторыми современными узбекскими говорами формы на *-гу* и ее производных, а также другие факты (сюда относят и употребление показателя исходного падежа *-дин*), особенно значительные в области фонетики, трактуются исследователями узбекских диалектов как свидетельство «наличия несомненного уйгурского элемента в составе говора»⁶³, причем этот элемент возводится не к новоуйгурскому языку, а к «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности» или к хронологически более давним пластам языковой подготовки⁶⁴.

Форма на *-гай*, представленная в языке БН полной парадигмой спряжения, на карте современных диалектов Узбекистана не имеет сколько-нибудь компактного ареала: во всей своей парадигме эта форма употребительна, с одной стороны, на западе — в джушском, на крайнем западе — в огузских и кипчакских говорах Хорезмской области, а с другой — в кураминских говорах Ташкентской области (т. е. в индиалектном

⁵⁹ См.: К. Назаров, Притяжательные аффиксы в узбекских народных говорах. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1963, стр. 14.

⁶⁰ См.: Ю. Жуманазаров, Хазорасп шевасининг баъзи бир феъл формалари, УДМ, II, стр. 147, 149.

⁶¹ См.: Н. Раджабов, Қарнаб шевасида феъл категорияси, «Ўзбек давлат университети асарлари», Янги серия, 77 — Ўзбек тилшунослиги кафедраси, 1958, стр. 10.

⁶² См.: Х. Донийёров, Желашган диалектнинг характери морфологик хусусиятлари, «Самарканд давлат университети асарлари», Янги серия, 102, 1960, стр. 54; А. Маматкулов, Шеробод райони ж-ловчи шевасидаги феъл майллари, АТМ, 2, 1961, стр. 222.

⁶³ В. В. Решетов, О наманганском говоре узбекского языка, стр. 218. Возможно, что к числу «языковых форм, истоки которых следует искать в караханидской языковой традиции» (В. В. Решетов, Состояние и задачи узбекской диалектологии, стр. 122), относится сложное склонение субстантивированных указательных местоимений в андижанском: *бунисини*, *унисини*, *бунисига*, *шунисида* и т. д. (А. Маматов, Келишик қўшимчаларининг Андижон шевасида қўлланиши, стр. 140; его же, Эталит категорияси ва унинг ифодаланиши, стр. 232—233).

⁶⁴ Ср.: В. В. Решетов, Опорный диалект при образовании узбекского национального диалекта, «Вопросы диалектологии тюркских языков», I, Баку, 1958, стр. 27. См. также: И. А. Батаманов, Вопросы классификации узбекских говоров, стр. 34; А. К. Боровков, К характеристике узбекских «умлаутных» и «уйгуризованных» говоров, сб. «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1946, стр. 29.

Карта 1

дин, 1а — факультативное употребление -дин; 2 — -лэк/-лэк (-лиг), 2а — -лий/-лэй; 3 — бурна/бурнэ/бурна, бурнагы, 3а — бырнагы, 3б — бундэги, бундэги, 3в — мурда; 4 — частица -ла; 5 — йуз мингэ; 6 — он чык/чоглий, 6а — он чыкы/чыкы/чыхлы, 6б — он чыкы (он чыкы для Казахстана), 6в — он чыкы, 6г — он жовик; 7 — бул, шул, ол, 7а — шул, 7б — бы/был, шы/шыл, ы/ыл, 7в — ол, бул, сол, 7г — ол/о, 7ш/о, хол/хо, 7д — о/ол, шо/шол, 7е — бо/бол/бул, шо/шол/шул, во/вол/о, 7ж — бул/бу, ул/у, 7з — ул-и-си, бул-и-си, 7и — бъл-ам, хул-ам, шул-ам; 8 — -биз, -пыз, 8а — -эбэ; 9 — присутствие предикативного глагола -тур (или его редуцированных вариантов) в аналитических по своему происхождению временных формах; 10 — нарушение иерархии в позиционном расположении ми в ряду глагольных морфем, 10а — указание на нарушение ограничивается немногими формами; 11 — барайды/бдэйдэ/бэйдэ/бэйдэ, 11а — бэрайдэ; 12 — -алинг; 13 — -гай (полная парадигма спряжения), 13а — -гай — показатель 1-го лица ед. числа желательного наклонения; 14 — более широкое (чем в современном узб. литерат. языке) употребление имени действия на -гу, 14а — -гул в атрибутивной функции, 14б — гул в предикативной функции, 14в — унэ бъл-гу-а, 14г — -гичиди/-гичиди/-гичиди.

К а р т а 3

массиве, расположенном в центре распространения «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности»); на северо-востоке эта форма отмечена в манкентском говоре, на северо-западе — в кыркском (к сожалению, опубликованные материалы не позволяют установить степень употребительности формы на *-ғай* в этих говорах). Сохранению этого признака в указанных говорах, возможно, способствовала расположенная к северу от Узбекистана близкородственная стихия казахского языка, где уцелела полностью парадигма спряжения формы на *-ғай*. На западе территории узбекского языка — в говорах Вабкента, Гидждувана и Шафрикана Бухарской области — *-ғай* зафиксирована как одна из форм 1-го лица ед. числа желательного (I) наклонения⁶⁵.

Широко употребительная в БН форма 1-го лица мн. числа желательного наклонения на *-алиң* (*журашалиң* 26¹⁶ «поборемся-ка мы», *зикр қилалиң* 12⁴ «упомянем-ка мы») отмечена только на крайнем западе территории узбекских диалектов — в говоре селения Ханка (южнохорезмский диалект, где она используется в речи женщин для выражения уважения к собеседнику)⁶⁶. Здесь этот признак поддерживается, с одной стороны, хорошо сохранившейся старой литературной традицией, а с другой — родственной стихией туркменского языка (где обычно образование формы 1-го лица мн. числа желательного наклонения посредством аффиксов *-алың/-елиң, -айлың/-ейлың* 67), охватывающей южнохорезмский диалект с юга.

Парадигма спряжения временных форм, аналитических по своему происхождению, — настоящего на *-а дур*, прошедшего на *-(у)б тур* — характеризовалась в БН почти обязательным присутствием предикативного показателя *тур* в 1-м и 3-м лицах обоих чисел для первой формы и в 3-м лице обоих чисел для второй формы. Эта конструктивная особенность указанных временных форм представлена в говорах Наманганской области, в паркентском, ниязбашином, шахрисябском, каршинском, в говорах Бешкентского района (разумеется, с неодинаковой степенью редуцирования *тур*- по разным говорам).

Интересны итоги сопоставления позиционного расположения морфем, включая и вопросительную частицу, в глагольных формах в БН и в современных говорах. В БН вопросительная частица *ми*, используя при форме настоящего времени на *-а дур* или прошедшего на *-(у)б дур*, может располагаться перед предикативным показателем, например: *келиб му дур, билмай му дур* (143¹³), *қулагин тутамудур* (240⁷). Тот же самый факт в современном языке А. Г. Гулямов связывает «с диалектальным различием»⁶⁸. Действительно, диалектологи отмечают некоторые — но не одинаковые для разных говоров — нарушения (с точки зрения современных норм) иерархии в позиционном расположении частицы *ми* в ряду других глагольных морфем. Это явление зафиксировано на востоке и в центре территории узбекского языка: в опском, андижанском, кыпчакском говоре Янгикургана (в последнем *ми* может помещаться перед аффиксами лица и числа только во 2-м лице ед. и мн. чисел)⁶⁹, отчасти в говорах Ферганы и Ташкента, в том числе в подговоре квартала Кызыл Куёш в г. Ташкенте, в паркентском; далее на запад — в джизакском (где подобное расположение *ми* не ограничивается глагольными формами 2-го лица и используется для выражения определенных оттенков значения), в говорах Самаркандской области (кишлак Багдан Фаришского района⁷⁰ и Хатырчийский район — по свидетельству А. Г. Гулямова, который ссылается на дастан Пулкана-шаира), в найманском говоре Катта-Кургана, в каршинском, а на крайнем западе — в огузских говорах Хорезмской области (где *ми* располагается перед аффиксом *-ла[p]* в форме 3-го лица мн. числа)⁷¹. Аналогичное

⁶⁵ См.: М. Мирзоев, *Ўзбек тили Бухоро шеваининг хусусиятларига доир*, стр. 37.

⁶⁶ См.: Ю. Жуманазаров, *Ҳазорасп шеваининг баъзи бир феъл формалари*, стр. 142.

⁶⁷ См.: Ф. Абдуллаев, *Жанубий Хоразм шевалярининг тарихига доир*, ЎТАМ, 1958, 4, стр. 68.

⁶⁸ А. Г. Гулямов, О сопутствующих явлениях при аффиксации в узбекском языке, «Научн. труды [Таш. гос. ун-та]», Нов. серия, 211, филол. науки, кн. 24, стр. 94. Ср. аналогичные факты, приводимые для современного узбекского литературного языка в статье: М. Хамроева, *-ми* юкламаси ҳақида, АТМ, 3, стр. 474—475 и сл.

⁶⁹ Примеры см. в работах: К. К. Юдахин, *Тексты*, стр. 35 и сл.; И. Фармонов, *Ўш шеvasида -ла юкламаси*, стр. 45; Ф. Абдуллаев, *Ўзбек тилининг қишлоқ шеvasи*, ЎДМ, I, стр. 335.

⁷⁰ См.: У. Турсунов, Х. Дониёров, Н. Ражабов, Самарканд об-ластидаги ўзбек халқ шевалярининг классификация қилишга доир материаллар, «Самарканд давлат университетининг асарлари», Янги серия, 129, стр. 126; Н. Ражабов, *Ўзбек диалектологияси қурисдан материаллар*, Самарканд, 1962, стр. 61.

⁷¹ Ф. А. Абдуллаев, *Ўзбек тилининг Хоразм шеваляри*, стр. 168.

явление сохранилось также в современном уйгурском языке⁷², а также в некоторых подговорах татарского языка⁷³.

Учитывая исторические факты, как и факты современных языков и говоров, можно полагать, что отмеченные А. Г. Гулямовым в староузбекском языке «случаи непоследовательности» в расположении морфем в слове⁷⁴ были обусловлены не столько тем, что «ломали, калечили слова по требованию аруза»⁷⁵, сколько недостаточной грамматикализацией многих глагольных аналитических форм и аналитических конструкций⁷⁶. В частности, это можно подтвердить многими примерами из прозаических произведений староузбекской литературы, в том числе — из БН, где, как правило, союз-частица *дам* при выражении уступительности ставится между причастной формой смыслового глагола и условной формой вспомогательного (*кетар дам бўлса* 54₁₇); при выражении невозможности действия — между деепричастной формой смыслового глагола и отрицательной формой глагола *ал-* (*уруша дам алмади... қача дам алмади* 194₃). Как показывают наши материалы по языку БН, особенно слабой была спаянность сложных глагольных форм, составленных с помощью грамматикализованного показателя *еди*. В глагольных формах на *-(у)реди, -адуреди, -саеди, -ғайеди* показатели лица и числа присоединялись к временной основе, т. е. перед *еди*, например: *берлар еди* (25₁₋₂, 50_{11,21}), *андақ ичи қилмайдурлар еди* (46₈), *кўрдум ерса* (248₁), *келсалар еди* (234₁₀), *бузулғайлар еди* (88₆). Аналогичное расположение показателей лица и числа удержалось в говорах, в частности в караулакском — в парадигме спряжения прошедшего предварительного времени (*бердим еди*), а также в ташкентском говоре при спряжении сложных форм типа *бўлсамдѐ*⁷⁶.

Привлечение к сопоставлению материалов из истории узбекского языка позволяет ввести уточнения в трактовку некоторых диалектных явлений; в частности, в дискуссионном плане могут быть высказаны предварительные соображения в связи с историческим комментированием прошедшего незаконченного типа, *борайдѐм*. Основной компактный ареал этой формы приходится на западные области территории узбекского языка — это самаркандско-бухарские городские говоры, западная подгруппа джѐкающих говоров Самаркандской области⁷⁷, говор Ургутского района той же области, каттакурганский городской, найманский говор Катта-Кургана, карнабский, говоры долины Капкадары, каршинский, говоры района Кассана Сурхандарьинской области (группа пулатинских говоров) и шахрисабзский (в последнем, однако, чаще употребляется *борайчидѐм*). Прошедшее незаконченное *борайдѐм* авторами монографических описаний перечисленных говоров возводится к форме типа литерат. *борарѐдѐм*⁷⁸. Если для ташкентского (и ниязбашинского) можно принять трактовку процесса, при котором одновременно с выпадением гласного ъ недостаточного глагола «выпадает и предшествующий ему согласный р», а гласный а, стоящий впереди согласного р, получает долготу: *кўра:дѐм, кўра:дѐнѐ* и т. д.⁷⁹, то для карнабского, например, подобное объяснение не будет столь доказательным, прежде всего из-за употребительности здесь таких пар модальных конструкций, как *ѐшилѐйкѐн — кетѐйрѐкѐн, ѐшилѐмѐш — тѐшилѐрмѐш*⁸⁰ (ср. в джушском: *барайдѐн — барарѐкѐнсѐн*).

⁷² На этот факт автору любезно указал Э. Н. Наджиш.

⁷³ См.: Н. Б. Бурганова, указ. соч., стр. 57.

⁷⁴ А. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 95.

⁷⁵ Ср. также отмеченные в ошском говоре случаи повторного присоединения полных показателей лица в конце тех глагольных форм (уже имеющих краткий показатель соответствующего лица), в которых частица *ми* находится перед модальным показателем — *кин: олдиммикимман? омадинемикинсан?* (И. Фармонов, Уш шевасининг баъзи бир морфологик хусусиятлари, ЎТАМ, 1960, 3, стр. 44).

⁷⁶ См.: Я. Г. Гулямов, О некоторых особенностях словоизменения глагола в ташкентском говоре, «Научн. труды [Таш. гос. ун-та]», Нов. серия, 211, кн. 24, стр. 223.

⁷⁷ См.: У. Турсунов, Х. Дониёров, Н. Ражабов, указ. соч., стр. 130—131.

⁷⁸ Ср., например: В. В. Решетов, Фонетическая структура слова (на материале узбекского языка), «Уч. зап. [Таш. пед. ин-та им. Низами]», XII, 1959, стр. 29, где джѐк. *ѐспирѐ экѐн* (<*ѐспирѐр экѐн*), *кѐлѐ еди* (<*кѐлѐр еди*) трактуются как случаи «выпадения согласных на стыке двух основ или в конце основы при наращении аффиксов» (на стр. 30—31 подобные примеры отнесены к случаям «стяжения в результате соединения двух слов»).

⁷⁹ Я. Г. Гулямов, О некоторых особенностях словоизменения глагола в ташкентском говоре, стр. 216; Ш. Шобадурахмонов, Тошкент шевасининг фонетик хусусиятларидан, ЎТАМ, 1960, 6, стр. 47.

⁸⁰ Отметим, что модальные конструкции этого типа Н. Раджабов ошибочно толкует как «архаическую форму причастия прошедшего времени» (Н. Раджабов, Узбек тилининг Карнаб шеваси. Канд. диссерт., Самарканд, 1958, стр. 133); характер-

Позиционный переход $p > \dot{y}$, который — как частное проявление подверженности звука p в середине и конце слова фонетическим изменениям — неоднократно отмечался в тюркологической литературе⁸¹, в очерках по указанным говорам или не упоминается вовсе (как это случилось при описании карнабского говора), или же получает одностороннее освещение, так как иллюстрируется все теми же формами *кулаймуш* ($< \text{кулар амиш?}$), *турайди* ($< \text{тулар эди?}$)⁸²; при этом ряд диалектологов в данном случае (как и во многих других) не делает различия между чередованиями, происходящими внутри многоморфного слова, и изменениями, отмечаемыми на границе двух основ. Еще менее документирован и более сомнителен по своей фонетической сути переход $s > \dot{y}$, который постулируется исследователями указанных говоров исходя из отрицательной формы прошедшего незаконченного *бормайдъ* ($< \text{бормасдъ?}$)⁸³. Примечательно также и то обстоятельство, что позиционный переход $p > \dot{y}$ свойствен многим современным узбекским говорам, однако ареал прошедшего незаконченного типа *борайдъ* имеет довольно строгую локализацию, замыкаясь, в основном, пределами западных территорий узбекского языка.

Учитывая вышесказанное и принимая во внимание также тот факт, что староузбекскому языку была присуща разновидность прошедшего незавершенного на $-a(\dot{y})$ *дур* *ед*, получившая свое отражение и в языке БН, можно высказать предположение о том, что формы типа *борайдъ* генетически связаны именно с этой разновидностью прошедшего незавершенного, причем развитие этой временной разновидности привело к утрате предикативного элемента $-дур-$ (как это имело место и в эволюции некоторых других временных форм); при непосредственном же соединении временной основы на $-a$, $-ъ$ и «недостаточного глагола» *еди*, утратившего свой начальный гласный, возник промежуточный $\dot{y}$ ⁸⁴. Возможно также, что при передаче прошедшего незаконченного в ряде говоров происходила контаминация этих различных по форме, но близких по значению парадигматических рядов⁸⁵. Сохранение прошедшего незаконченного типа *борайдъ* в ряде западных говоров и отсутствие этой формы в других говорах может быть объяснено известной неравномерностью в развитии грамматических систем диалектов и говоров узбекского языка.

Наложение составленных нами карт (см. карту 3) обнаруживает неодинаковое и неравномерное распределение картографируемых признаков по территории узбекского языка. Наиболее плотные и компактные части, где перекрещиваются многие из полученных ареалов, приходятся на области распространения «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности». В частности, довольно компактно ложатся на карту в районе Андижана и сопредельных территорий вместе с картографируемыми признаками и многие другие из числа выявленных при сопоставлении материалов современных узбекских говоров и языка БН. При этом, правда, очень немногие из таких признаков (например, частица $-ла$) имеют строго очерченный именно этими пределами ареал при крайней ограниченности разброса признака по остальной территории узбекского

но, что там же приводится типичное для модальных конструкций предикативное употребление еще одной разновидности этого типа *кальбмуш*.

⁸¹ См., например: Н. К. Дмитриев, Неустойчивое положение сонорных p , l , n в тюркских языках, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1, М., 1955; С. А. Мираева, Звуковой состав намаганского говора узбекского языка. Автореф. канд. диссерт., Л., 1963, стр. 14.

⁸² Ср. в уйчинском факты сохранения конструкций типа *йашаракан* при наличии перехода $p > \dot{y}$ (А. Ю. Алиев, Узбек тили Уйчи шевасининг фонетик хусусиятлари, стр. 143 и 156). Ср. также Х. Узоков, Жанубий Фаргона шеваларида баъзи фонетик қонуниятлар (Фаргона, Куvasой ва Водил шевалари материаллари асосида), ЎТА, 1963, 4, стр. 44.

⁸³ См., например: М. Валиев, Найман шевасининг ундошлари ҳақида баъзи мулоҳаза лар, «Самарканд давлат университетининг асарлари», Янги серия, 102, стр. 168; А. Шерматов, Қарши (шаҳар) шевасининг баъзи фонетик хусусиятлари, «Уч. зап. [Таш. пед. ин-та им. Низами]», XII, стр. 188, 201; ег о же, Узбек тилининг Косон район шевалари, стр. 465.

⁸⁴ Об аналогичном фонетическом явлении см., например: О. Шарипов, Поп шевасининг фонетик системаси, «Уч. зап. [Таш. пед. ин-та им. Низами]», XXIX, 2, 1961, стр. 362; Э. Маматов, Эталит категорияси ва унинг ифодаланиши..., стр. 230. А. Шерматов истолковывает примеры типа *борайакан* как случаи перехода $s > \dot{y}$ (см. его «Қарши (шаҳар) шевасининг баъзи фонетик хусусиятлари», стр. 185); В. В. Решетов — как «появление согласных... на стыке двух слов» (см. его «Фонетическая структура слова», стр. 31—32).

⁸⁵ Ср. в галляларском и бахмалском факты соответствия формы типа *бөрғичийди* литературному *борар эди* или форме *бөрғиди* перечисленных выше говоров (см., однако, параллельное использование в каршинском *бөрғичийди*, в шахриябском *бөрғичийди* наряду с *бөрғиди*).

языка. Ареалы многих из тех признаков, которые более или менее компактно распределяются по территории «карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности», имеют небольшие островки также на крайнем западе — в хорезмских говорах (например, *-дин*, *-частица -ла; -гу, -гуль*).

В соответствии с одним из важных положений современной диалектологии, гласящим: «Именно совпадение по возможности разнообразных и независимых друг от друга границ отдельных диалектных явлений служит доказательством наличия исторических связей между двумя диалектами»⁸⁶, полученные результаты могут быть истолкованы как свидетельство тесных исторических связей между современными говорами «карлуко-чигиле-уйгурского» диалектного комплекса, с одной стороны, а с другой — как подтверждение близости языка староузбекской литературы к «карлуко-чигиле-уйгурскому» диалектному комплексу, который лежит в основе и современного узбекского литературного языка. В то же время при учете всей сложности имевших место в истории узбекского народа смешений и смещений в его этническом составе и при выявлении строгой локализации (Андижан и сопредельные районы) ареалов отдельных, в равной мере характерных для андижанского говора и языка БН, признаков, представляется допустимым предположить связь языка БН с тем говором средневековья, к которому генетически близок современный андижанский говор (ср. указание Захир-эд-дина Мухаммеда Бабура на близость средневекового говора Андижана к языку литературы его времени). Результаты сопоставления значительной части полученных ареалов могут указывать и на связь языка староузбекской литературы с хорезмскими говорами, которые, по всей видимости, также внесли в этот язык свой определенный вклад.

При картографировании выявились и такие признаки, которые имеют специфичное распределение на карте; они локализируются, в основном, или в районах, сопредельных с близкородственным языком, где картографируемый признак является общеупотребительным, или же — напротив — рассредоточиваются по всей территории узбекского языка, нигде не образуя сколько-нибудь плотного ареала. В первом случае это, например, *ул, бул, шул; -биз, -гай*, сохранению которых в современных говорах способствует воздействие казахского (и отчасти каракалпакского) языка, и *-алин*, поддерживаемый огузской языковой стихией; во втором — *он чағали*, где можно предполагать влияние киргизского и казахского языков, а также относительное прилагательное *бурнағи* (*бурнағи*), которое для разных говоров можно объяснить воздействием каракалпакского, казахского или киргизского языков. Самый факт наличия в староузбекском письменном языке признаков, аналогичных двум последним, лишний раз подчеркивает смешанный характер этого языка, именовавшегося «чагатайским».

Уже эти предварительные результаты произведенной в данной работе попытки историко-сопоставительного изучения на материале одного языка показывают, насколько необходимо при обследовании отдельных диалектов и говоров, равно как и при подготовке «Диалектологического атласа узбекского языка», выделить комплекс вопросов, которые, имея особо важное значение для исторической диалектологии узбекского языка, оказываются весьма ценными и для исследования современных его диалектов и говоров⁸⁷. Несомненно, что осуществление такой дополнительной программы, позволяющей проследить развитие того или иного языкового факта по всем диалектам, даст интересные материалы, которые помогут прояснить процесс сложения ряда диалектов и говоров узбекского языка и избавят от произвольности в исторической интерпретации фактов современных диалектов⁸⁸.

⁸⁶ В. М. Жирмунский, указ. соч., стр. 22.

⁸⁷ На неотложность освещения вопросов общетюркского характера в диалектологических атласах отдельных тюркских языков указал В. М. Жирмунский (см. его статью «О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза», ВЯ, 1963, 6).

⁸⁸ Критические замечания по поводу произвольного комментирования отдельных диалектных явлений исследователями узбекских диалектов см. также: У. Т. Турсунов, Х. Даниёров, Н. Ражабов, Узбек диалектологияси ўз ривожланишининг янги босқичида, «Самарқанд давлат университети янги асарлари», Янги серия, 102, стр. 90 и сл.; М. Ш. Рагимов, Сравнительно-исторический метод и изучение диалектов тюркских языков, «Вопросы диалектологии тюркских языков», III, Баку, 1963, стр. 27—28.